

ЛУЧИАН БЛАГА И РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ СЛОВА: ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Axinia Crasovschi,¹

axinia.crasovschi@lts.unibuc.ro

L. Blaga and Russian Artists of the Word: Possible Parallels

Abstract: *The main topic of the present paper aims to analyze the poetical work of Romanian great poet and philosopher L. Blaga and some of the important Russian authors, such as F. Tiutchev, B. Pasternak or M. Tsvetaeva (finally, focusing on one of them – F. Tiutchev), whose poetical and philosophical thinking is particular special for their national literatures. Despite of the differences in their style of writing, there are many similarities between them, especially cause by their interest in German philosophy and literature. Very important for both poets is the intuitive knowledge in comparison with rational, logical way of understanding and depicting the world.*

Keywords: *Blaga, intuitive knowledge, rational thinking, silence*

Аннотация: В настоящей статье проводится анализ поэтического творчества румынского великого поэта и философа Лучиана Благги и некоторых из русских авторов, таких как Ф.И. Тютчев, Б.Л. Пастернак или М.И. Цветаева. Наше внимание сосредотачивается на творчестве Ф. И. Тютчева, наиболее подходящим по духу с румынским художником слова. Их поэтико-философское мышление ярко выделяется на фоне национальных литератур, которые они представляют. Сближения, которые наблюдаются несмотря на существенные различия, касаются схожего понимания искусства слова как инструмента интуитивного познания мира, противоположного познанию рациональному.

Ключевые слова: Тютчев, Блага, молчание, интуитивное познание, рациональное мышление, таинственность

Казалось бы нет никаких оснований проводить какие-то параллели между великим румынским поэтом, драматургом, переводчиком и философом Лучианом Благой (1895-1961) и каким-либо из русских художников слова, так как в творчестве Благги не отмечены прямые влияния русской культуры или следы взаимоотношений с ней. Напротив, формирование и большая часть жизни рожденного в Ардяле (Трансильвании) поэта (Ардял– румынская территория, находившаяся в то время под властью австро-венгерской империи) прошли под знаком немецкой культуры: он учился в немецкой гимназии в Себеше, затем изучал богословие в городах с

¹ Axinia Crasovschi, Associate Professor, PHD, University of Bucharest , Romania

преимущественно немецким населением – Брашове и Сибиу, а потом подготовил и защитил докторскую диссертацию по философии в Вене, на тему «Культура и познание» (*Kultur und Erkenntnis*). С другой стороны, знал он это или нет, но его имя и фамилия имеют в своих словесных корнях если не русские, то бесспорно славянские понятия «луч» и «благо», которые в определенной мере можно соотнести с его личностью, судьбой и мировоззрением.

Некоторые аспекты из его судьбы напоминают его русского современника и собрата по перу Бориса Пастернака, который окончил философский университет в Германии, в Марбурге: в послевоенный период, как и русский великий поэт и писатель, Блага находился в социальной и культурной изоляции, его произведения, кроме переводов из Лессинга, Гёте и др., не публиковались до 1962 г., а его кандидатура на Нобелевскую премию, выдвинутая Францией и Италией в 1956 г., не была допущена к рассмотрению румынскими коммунистическими властями, которые считали его «буржуазным идеалистом» и давили на Нобелевский комитет. Как и Пастернак – здесь можно добавить и Марину Цветаеву – Лучиан Блага восхищался австрийским поэтом Райнером Мария Рильке, черты поэтики которого можно усмотреть и в его поэзии. Подобно другому русскому поэту-философу Ф.И. Тютчеву, Блага провел более десяти лет на дипломатической службе (с 1926 по 1939), в том числе и в городах германской культуры (в Берне и Вене), что позволило ему ближе и глубже познакомиться с творчеством не только уже упомянутых авторов, но и таких мыслителей, как Ницше и Шпенглер. О влиянии немецкой философии на русскую литературу и культуру, заметном уже в конце XVIII-XIX в. и усилившемся особенно в период Серебряного века, всем известно. Но в настоящей статье не будут подвергаться анализу какие-либо влияния; цель исследования состоит в проведении параллели между двумя разными великими художниками слова, поэтико-философское мышление которых ярко выделяется на фоне национальных литератур, которые они представляют. Добавим лишь одно замечание: у Блага концепция влияния культур связана с осмыслением экспрессионизма. Так, по его мнению, французская культура – «моделирующая» – предлагает ориентацию на нее как на образец. Германская же культура – «катализирующая» – при соприкосновении с другой культурой помогает ей выявить свою национальную самобытность.

Хотя Ф. И. Тютчев сложился как оригинальный русский поэт именно в Германии, но он публиковался в России, где был достаточно поздно признан великим поэтом. Его давно уже не было в живых, когда родился Блага, и о каком-нибудь влиянии на мировоззрение

румунского поэта со стороны русского автора не может быть речи. На него могли повлиять совсем другие немецкие мыслители, чем на русского поэта, но, оба поэта сами создали собственные философские системы. Исследователи тютчевского творчества даже утверждают, что во многом именно он повлиял на Щеллинга, с которым часто встречался и беседовал. Известно, что Тютчев дружил и с представителем последнего поколения немецких романтиков Гейне, творчество которого хорошо знал и ценил. Как замечала Лидия Лотман: «С Гейне Тютчева роднило не существо их идей и не художественный стиль их творчества, а выраженная в их поэзии тонкость и изощренность мысли, глубина восприятия действительности, страсть к познанию и владение современными и самыми сложными методами мышления.» [Лотман, 1982]. Благо же, как большинство художников слова первой половины 20 века, занимали идеи Ницше и Фрейда. То, что сближает двух поэтов с нашей точки зрения это их общий взгляд на принципиальную познаваемость мира, в которой приоритетом было интуитивное его постижение.

Сразу отметим немаловажную деталь: присутствие в философско-поэтических системах ценностей обоих поэтов таких понятий, как «познание», «природа», «космос» и «молчание», которые занимают в их творчестве знаменательное место.

Философское творчество Лучиана Благи² ведет к утверждению поэзии как лирического метода познания. Из эстетики экспрессионизма его художественному миру близки такие черты, как «стилизация, призванная передать суть вещей, сведение характера и психологии к схеме, утверждение обобщающей образности»³. Одна из его основных тем – ***разрыв между природой и цивилизацией***, преодоленный в архаической и мифической деревне. В основе его гносеологии лежит принцип непознаваемости, присутствие Великого Анонима, своего рода божества, который, через «трансцендентную цензуру» мешает человеку познавать явления рациональным путем. По мнению философа, рациональное познание оказывается недостаточно действенным поскольку оно не в состоянии проникнуть сущность мира, которая заключается в его таинственности.

Поэтическое творчество Лучиана Благи, на протяжении нескольких десятилетий своего формирования, познало осязаемую

² Лучиан Блага является автором следующих философских работ: «Трилогия познания», 1931-1934, «Трилогия культуры», 1936-1937, «Трилогия ценностей», 1946, и «Космологическая трилогия», 1956.

³ Е. Фейгина Энциклопедический словарь экспрессионизма. – М.: ИМЛИ РАН. Глав.ред. П. М. Топер // http://expressionism.academic.ru/65/Блага_Лучиан

эволюцию, как в плане отношения лирического «я» с миром, так и в плане средств художественного выражения. Остановимся на тех аспектах, которые могут послужить предметом параллели с поэтикой Тютчева.

В стихах Лучиана Благи 1920-х гг. запечатлены ощущения чужда жизни, а также глубинная связь жизни и смерти, постоянства трансцендентного перехода, с которым связано познание мира. А в первых двух стихотворных сборниках («Поэмы света», 1919, «Шаги пророка», 1921) доминирует сильный витализм, который переходит за узкие пределы времени и человеческого состояния, как желание слияния с космосом. Для Благи познание значит любовь – знаменательное отношение к тайнам мира, выраженное в программном стихотворении, которым открывается его первый сборник *«Я не раздавлю венок чудес мира...»*, где поощряется аффективный подход к предмету познания. Здесь противопоставляется «свет других», как уничтожающий «чары непроницаемой скрытости в глубинах тьмы», и «мой свет», который «умножает тайну мира» подобно «белым лунным лучам», усиливающим еще больше «тайну ночи». Применяя концепты собственной философской системы, Блага имеет здесь в виду логическое рациональное мышление, т.н. парадисийское (от фр. слова *paradis*) и поэтическое или люциферическое познание, подчеркивая способность последнего усиливать таинственность.

В поэзии Тютчева из сквозных мотивов и образов символического характера, которые раскрывают в подобном духе философские проблемы, выберем образы Ночи и Дня, как противопоставление темного и светлого в человеке и природе. Это противопоставление понимается как дневное начало, рациональное, логическое, постижимое и подконтрольное человеческой воле и рассудку, с одной стороны, и как ночное начало, таинственное, непостижимое, связывающее человека с космическим началом, с другой стороны. Наступление ночи лишь предлог для введения поэтом основной проблемы, которая его занимает – положение человека во Вселенной. Поэт видит его немощным и голым, чувствуя себя одиноким *«лицом к лицу пред пропастию темной»*. Метко заметил В.И. Коровин, что «философская основа тютчевского романтизма покоится на признании жизни как нестихающего борения противоречивых начал, на утверждении таинственности и загадочности этой битвы» [Коровин, 1983: 78]. Так, в описании бездны подчеркивается ее таинственность: в темноте открывшейся перед ним пропасти человек узнает свои корни (*«наследье роковое»*), но не умом, так как его *«мысль осиротела»*, а подсознательно, каким-то глубинным чутьем. По Тютчеву истинные знания приобретаются именно инстинктом

(вспомним его широко известные стихи «Умом Россию не понять...»).

В благианской лирике первых сборников, исполненной витализмом, тело горит, как «в пламени костра» (ст. «Мы и земля»), жизнь клокочет в нем, «как бурный источник/ в звонкой пещере» (ст. «Не предчувствуешь?»), сама грусть распространяется на всю Вселенную (ст. «Уныние»), а восклицание «Я миром опьянен, язычник я!» (ст. «Райский свет») оказывается выражением души, которая ищет себе покрова в гигантских геологических формах: «Дайте мне тело/ вы, горы,/ моря,/ дайте мне иное тело, чтоб полностью освободить/ безумие мое!/ Широкая земля, будь моим стволом, / будь грудью для этого буйного сердца (...)» (ст. «Дайте мне тело, вы, горы»). Поэтическое «я» беспрепятственно распространяется не только в пространстве, но и во времени, в предчувствии смерти (как в стихотворениях «Дуб» или «Прекрасные руки»), или в остром восприятии общения с предками, которые продолжают жить в своих внуках (ст. «Тишина»). Сама любовь оказывается средством общения со Вселенной: с утаенным ритмом земли через пульс сердца возлюбленной (ст. «Земля»), с ночным источником через ее черные очи, с тайной существования через ее взгляд (ст. «Ева»). В стилистическом плане, стихотворения, вошедшие в сб. «Поэмы света» построены вокруг центральной метафоры (напр. «ночной источник»), или заканчиваются этой метафорой, которая часто имеет афористический признак.

Следующий сборник «Шаги пророка», хотя во многом сохраняет общие черты предыдущего, предвещает уже в своем названии смену отношения, которое станет очевидной позже: начинает преобладать размышление над непосредственными и острыми переживаниями. Знаменательная с этой точки зрения поэма «Смерть Пана»: старый и почти слепой, этот бог плодотворной природы и естественных переживаний предчувствует свою кончину и свою замену новым пророком, который удалит человека от природы и внесет в мир понятие греха.

Начиная со сборника «Великий переход» уточняется этот разрыв между поэтическим «я» и Вселенной. Природа теряет свою невинность и райский вид, а поэт чувствует себя отчужденным по отношению к ней и своим корням. Витализм и острые переживания смягчаются в пользу мучительных вопросов и философской проблематики. Поэта терзают вопросы о существовании, он ждет свою кончину с ностальгией времен до-рождения. Он становится созерцательным «другом глубины», чувствует, что небо от него отказывается и он отчуждается от природы: «О, я не достоин больше/ жить среди

деревьев и среди камней» (ст. «С неба прилетела лебединая песнь»). Лишь наивность детства и народный творец сохраняют еще связь с вечными смыслами: «Только моя кровь зовет в лесах/ своё далёкое детство» (ст. «Великий переход»). Лишь мифический мир деревни остается еще пространством вечности и это выражено в хорошо известном всем стихе, ставшем афоризмом: «Я думаю, что вечность родилась в деревне». И если беспокойная трезвость мысли порождает неустроенность существа и мира, то ночь и сон, как у немецких романтиков, оказываются подходящими для перемирия со Вселенной. Сборник «Хвала сну» иллюстрирует именно это перемирие: как «божественное состояние» сон приводит человеческое существо в состояние анонимности и виртуальности, а ночь возвращает ему чувство первоначального единства мира.

Имея в виду эволюцию лирики Лучиана Благи румынский исследователь Ион Поп замечал, что его «поэзия больших порывов, проектированных на космические масштабы, и отождествления лирического «я» с элементарной вселенной» познает эволюцию в сторону драматичности «метафизической тоски» проблемматичного человека, отчужденного от «тайн» вселенной и устремленного к поиску первичного равновесия под знаком «мифа реинтеграции» в идеальную «мифологическую географию»⁴. Это пространство представляет собой исключительно сакральный мир, круглый, охранительный, где нет места проблемматичному человеку. Постепенное восстановление человека, как органической части «венка чудес», начиная со сборника «Хвала сну», продолжается в сборниках «У водораздела» (1933) и «У врат тоски душевной...» (1938), и находит свое завершение в сб. «Неподозреваемые ступени» (1943), где происходит его подлинное преобразование в смысле отказа от «метафизической грусти» и восстановления райского возраста. Этот период благианского творчества характеризуется явной классицизацией мировидения не только в формальном плане лирического дискурса, но и в плане глубокого равновесия в отношении лирического «я» со Вселенной, что придает этим стихам ясность и успокоительную ноту. Таким образом, поэтический миф Благи округляется, подчиняя себе и

⁴ I. Pop, *Lucian Blaga* // в словаре *Dicționarul esențial al scriitorilor români*, под ред. М. Зачу, М. Папахаджи, А. Сасу, - Бухарест: Альбатрос, 2000, с. 84. // О «мифологической географии» также смотрите подробнее: Осипова Н.С. «Мифологическая география» как «матричное пространство» творчества румынского поэта Лучиана Благи // *Натура и культура*. М., 1993.

размышление над поэтическим словом⁵. Вернемся опять к справедливому замечанию румынского исследователя И. Поп, который подчеркнул, что между первоначальной песней Пана и финальным гимном, слово у Блага прошло через разрыв и отчуждение: «за провинившуюся совесть оно было воспринято как знак расстояния и изгнания – откуда и отказ от его произношения («горькие очень все слова», «оставьте меня / немым ходить между вами, / выходить вам на встречу с закрытыми глазами»), и поиск молчания (равный первоначальной прародительской ночи). «Смена зодий» существования значит и смена режима произношения речи: восстановление райского состояния человека приносит за собой и возврат магических сил глагола.»⁶. Таким образом, Блага доказывает, что он хорошо ассимилировал миф «адамического языка» и интегрировал его в личное мировоззрение. Говоря о сущности поэтов, Блага утверждает, что «говоря, они немые», т.е. они раскрывают скрывая. Та часть их творчества, которая остается скрытной представляет собой внушенную тайну, которую можно уподобить молчанию: *«Единственный твой язык, совершенный твой язык, / хозяин тайны и света / Это тот язык, на котором умеешь молчать.»*

Своеобразный художественный манифест в защиту молчания, звучащий как тезис отрицания речи, сформулирован и Ф. Тютчевым в широко известном стихотворении «Silentium!». В связи с ним Лев Озеров писал: «Боясь изреченной мысли, Тютчев явил России могущество слова. Он острым умом и мудрым сердцем открыл такие тайники Вселенной и души человеческой, в которые до него никто не заглянул. Есть галактика Тютчева. В ней ширь, высота, глубина, протяженность пространства и времени»⁷.

Итак, несмотря на пространственное и временное расстояние, которое разделяет двух великих поэтов, на их принадлежность к разным культурам и на разные подходы к постижению мира можно утверждать, что их духовные искания, всемирность и всеобщность идей не только сближает, но и роднит.

REFERENCES:

1. BLAGA Lucian. *Opera poetică*. Ed. îngr. de George Pană și Dorli Blaga, București, Ed. Humanitas, 1995.

⁵ Как известно, первые четыре года жизни Лучиана Блага прошли под знаком несловесности, в чем он признается в своем стихотворении «Автопортрет»: «Лучиан Блага – немой, как лебедь».

⁶ I. Pop. Указ.соч., с. 87.

⁷ Цит. по Л.К. Граудина, Г.И. Кочеткова *Русское слово в лирике XIX века. 1840-1900*. – М.: «Флинта» «Наука», 2010. С. 206.

2. DASCĂLU Crișu, *Insurecția respectuoasă, Eseu despre individul și supraindividualul poetic*, Timișoara, Ed. Augusta, 2000.
3. *Dicționarul esențial al scriitorilor români*, coord. ZACIU Mircea, PAPANAGI Marian, SASU Aurel, ed. Albatros, București, 2000
4. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. *Русское слово в лирике XIX века. 1840-1900.* – М.: «Флинта» «Наука», 2010.
5. Коровин В.И. *Русская поэзия XIX века*, - М.: Знание, 1983.
6. Лотман Л.М., *История русской литературы*. Т. III, *Расцвет реализма*. Л.: Наука, 1982 //
7. <http://www.lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5876>
8. *Натура и культура*. М., 1993.
9. Фейгина Е. *Энциклопедический словарь экспрессионизма*. – М.: ИМЛИ РАН. Глав.ред. П. М. Топер //
10. http://expressionism.academic.ru/65/Блага_Лучиан